

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

О. Ф. Соловьев

Интервенция, как форма вмешательства одного или нескольких государств во внутренние дела другого, нашла самое широкое применение в период общего кризиса капитализма в качестве испытанного метода подавления монополистической буржуазией прогрессивных движений современности. Особенно ярко это выразилось в попытках международной реакции задушить Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Так, против победившей Советской власти сразу же выступили правящие круги Англии, США, Франции и Японии, поддержавшие свергнутые эксплуататорские классы. Наша страна была втянута в пучину гражданской войны и одновременно стала объектом сначала тайной, а затем открытой империалистической интервенции. Иностранное вмешательство и внутренняя контрреволюция надолго задержали осуществление социалистических преобразований, вынудив трудящихся Советской республики вести ожесточенную борьбу с врагами.

Несмотря на большую важность проблемы и наличие многих работ, в которых она в той или иной степени затрагивалась, в советской историографии отсутствуют обобщающие труды, посвященные начальному периоду интервенции. Из многих аспектов темы освещались прежде лишь роль отдельных держав в нападении на Советскую Россию, захватнические действия империалистов в некоторых районах, попытки помешать выходу России из мировой войны и другие сюжеты. Однако и здесь не было внесено полной ясности. В настоящее время в литературе утвердилось правильная точка зрения, согласно которой основными организаторами и участниками интервенции являлись США, Англия, Франция и Япония, причем каждая из них преследовала собственные корыстные цели, старалась оттеснить конкурентов, занять наиболее выгодные позиции в России¹.

Взгляды западной буржуазной историографии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и интервенцию в целом сложились еще в 20—30-х годах под сильным влиянием официальной пропаганды правительств Англии, США и Франции, стремившихся представить в благоприятном свете свой откровенно империалистический курс в «русском вопросе». Именно тогда была пущена в оборот версия о случайности установления Советской власти, об антигерманской направленности вооруженных десантов Антанты на Севере и на Дальнем Востоке, о какой-то особой роли США в силу пацифизма президента Вильсона, об агрессивности «русского коммунизма» и его опасности

¹ «Всемирная история». Т. VIII. М. 1961; «История дипломатии». Т. VI. М. 1965; А. О. Чубарьян. Брестский мир. М. 1964; Р. Ф. Иванов. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М. 1965; Г. К. Селезнев. Крах заговора. М. 1963; Д. В. Озобов и И. И. От Бреста до Юрьева. М. 1966, и др.

для Западной Европы. Подобные мысли широко развивались в работах Лоутона, Пейрса, Чемберлина, Мак Мастера, Спарго, Денниса и других авторов².

Господствующей тенденцией в новейшей западной реакционной литературе по-прежнему остается искажение подлинного характера причин и хода интервенции Антанты против Советской республики в 1918—1920 годах. Кеннан, Уллмен, Смит, Унтербергер³ пытаются реабилитировать инициаторов политики интервенции, особенно президента США Вильсона и премьер-министра Англии Ллойд Джорджа, приуменьшить ее масштабы, скрыть действительные цели западных держав и в то же время извратить политику Советского правительства. Пожалуй, единственно «новое», что вносят эти историки, состоит в стремлении изобразить империалистический курс США в «русском вопросе» в виде цепи случайных ошибок, якобы пронesteкавших во многом от недостаточного знания политической обстановки в Советской России.

Известно, что разработка истории интервенции советскими учеными сейчас в значительной степени сдерживается тем обстоятельством, что английские и французские внешнеполитические документы за 1917—1918 гг. не изданы, а основная американская публикация имеет большие пробелы⁴. Поэтому особенно внимательного изучения требуют новые документы, вводимые в научный оборот историками США и Англии, пытающимися поставить их на службу своим реакционным концепциям. Так, Кеннан широко использовал личные фонды президента США Вильсона, государственного секретаря Лансинга, главы американской миссии Красного Креста в России Робинса. Р. Уллмен смог ознакомиться с неизвестными до сих пор документами госдепартамента и Форейн оффиса, Дж. Брэдли и Дж. Морли — соответственно с материалами военного министерства Франции и министерства иностранных дел Японии. Несмотря на явные антисоветские убеждения этих авторов, отдельные приводимые ими факты проливают дополнительный свет на весьма существенные стороны интервенции, сохранявшиеся до сего времени в глубокой тайне.

В настоящей статье, основанной на документах, содержащихся в новейших зарубежных исследованиях, и частично на материалах советских архивов, делается попытка рассмотреть малоизученные аспекты подготовки и начала империалистической интервенции с октября 1917 г. по июль 1918 года. Прежде всего выявляются этапы интервенции и раскрываются их специфические особенности. Наряду с анализом активной роли западных держав и Японии в агрессии против нашей страны показываются тесные связи иностранных захватчиков с силами внутренней контрреволюции. С другой стороны, освещается последовательная борьба советской дипломатии за обеспечение мирной передышки после подписания Брестского договора.

Активное вмешательство стран Антанты и США во внутренние дела России началось еще при Временном правительстве. Обеспокоенные нарастающим революционным движением в России, правящие круги западных держав стремились подчинить ее своему влиянию и сохранить в рядах союзнической коалиции. Они оказывали значительную поддержку русским реакционным группировкам. Осенью 1917 г. империалисты

² L. Lawton. The Russian Revolution (1917—1925). L. 1927; B. Pares. A History of Russia. N. Y. 1926; W. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921. N. Y. 1935; J. McMaster. The United States and the World War (1918—1920). N. Y. 1920; A. Dennis. The Foreign Politics of Soviet Russia. N. Y. 1924, etc.

³ G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton. 1956; e. j. s. d. The Decision to Intervene. Princeton. 1958; B. Unterberger. Americas Siberian Expedition 1918—1920. Durham. 1956; D. Smith. The Great Departure. The United States and World War I, 1914—1918. N. Y. 1965; R. Ullman. Intervention and the War. Princeton. 1961.

⁴ См. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, Russia». Washington. 1932, 1940 (далее: F. R.).

заклучили тайную сделку относительно размежевания между ними всех областей России, прикрывая свои интервенционистские контрреволюционные планы фразами о необходимости «материального содействия» России в деле продолжения войны⁵. Представители Антанты поддерживали заговор Корнилова, вынашивали проект переброски японских и американских войск на русский фронт через Сибирь⁶. «С самого начала революции,— говорилось в решениях VI съезда РСДРП(б),— империалисты союзных стран открыли против нее поход... Этот поход перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контрреволюционными силами в России»⁷. Таким образом, уже в тот период появились некоторые элементы скрытой интервенции.

США, Англия и Франция резко враждебно реагировали на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Они боялись, что ее пламя может переброситься на Запад, беспокоились за судьбу своих капиталовложений в России. Существовали и опасения, что отказ русской армии сражаться тяжело отразится на исходе войны с Германией. Вместе с тем в своих внешнеполитических расчетах империалистические круги западных стран исходили из «непрочности» Советской власти и тешили себя иллюзиями насчет ее недолговечности. В этом отношении показательна телеграмма временного поверенного в делах России в Англии Набокова от 29 октября 1917 г.: «Здесьнее правительство на основании полученных от Бьюкенена⁸ сообщений приходит к заключению, что временное торжество большевиков будет непродолжительным... У меня создается определенное впечатление, что английское правительство окажет всемерную поддержку только такому правительству в России, которое, не входя в компромисс с большевиками, объединит все сознательные и патриотические (читай: контрреволюционные.— О. С.) элементы в России»⁹.

Действительно, 30 октября (11 ноября) 1917 г. в Форейн оффис был составлен меморандум о положении в России. Советское правительство, отмечалось в этом документе, по-видимому, находится на краю гибели, ибо за исключением отдельных городов оно нигде не имеет ни малейшей поддержки. Незадачливые авторы меморандума указывали далее, что Россия будет спасена армиями, которые ведет на столицу Керенский. Выдавая желаемое за действительное, они утверждали, что возможен приход к власти «комбинации крайних монархистов генералов Корнилова и Каледина с адвокатом социалистом Керенским»¹⁰. С целью оперативного осуществления империалистической политики в отношении нашей страны в Лондоне и Париже были даже созданы специальные межведомственные органы «Русский комитет» и «Комиссия для решения русского вопроса». На последнюю, в частности, возлагалась подготовка «плана выступления и изучения возможности наиболее полного использования некоторых организаций инородцев в России, например, чехов, казаков, украинцев, латышей и т. д.»¹¹.

Когда совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, первая мировая война достигла своего апогея. Обе противостоящие друг другу империалистические коалиции напрягали все силы, чтобы вырвать победу. Державы Антанты в конце 1917 г. провели серию

⁵ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Ч. II. М.—Л., 1957, стр. 513—514.

⁶ А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября. «Вопросы истории», 1962, № 11, стр. 71.

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, изд. 7, стр. 372—373.

⁸ Посол Англии в России.

⁹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 623, л. 9.

¹⁰ R. Ullman a. Op. cit., p. 3.

¹¹ В. Кроль. О контрреволюционной политике Масарика и Бенеша. М. 1955, стр. 63.

переговоров по выработке плана кампании следующего года. В ходе переговоров значительное место заняла проблема интервенции против России. Эта проблема рассматривалась прежде всего на межсоюзнической конференции в Париже (15—21 ноября 1917 г.). Участники конференции подвергли детальному обсуждению меморандум французского маршала Фоша «О мерах, которые необходимо предпринять в отношении России»¹². Документ начинается с клеветнического утверждения о том, что «Россия находится в состоянии анархии и беспорядка, которые создают угрозу для ее военной и политической мощи, а также для экономических ресурсов». Отсюда делался вывод о необходимости «поддержать и укрепить все элементы сопротивления, которые существуют еще на восточном фронте, в России и в Румынии». По мнению Фоша, «румынская армия, состоящая из 15 испытанных дивизий, является ядром прочных сил, которые позволят, если продолжать его снабжение, сгруппировать все элементы юга России, могущие продолжать борьбу (украинско-казацкие элементы, народности Кавказа, организованные чехословацкие отряды). Главы французской и английской миссий в этой стране (то есть в Румынии. — О. С.) призваны сосредоточить свои усилия в данном направлении». Но, чтобы подобные центры сопротивления могли существовать, получать оружие и необходимые боеприпасы, указывалось в меморандуме, следует сохранить с ними единственно оставшуюся линию коммуникаций — транссибирскую железную дорогу, а потом «усилить, в случае необходимости, русско-румынские элементы новыми контингентами, подготовить даже военную интервенцию, послав им на помощь войска». Как подчеркивал далее Фош, прежде всего требовалось овладеть транссибирской магистралью сначала во Владивостоке, потом в Харбине, а оттуда до Москвы «посредством отрядов, которые последовательно распространили бы свои действия вдоль этой линии»¹³. В связи с этим в меморандуме делались выводы о необходимости немедленной оккупации этой важной железной дороги с целью обеспечения таким путем снабжения военными материалами «групп сопротивления», созданных в южной России, и подготовки, если понадобится, дальнейшей военной помощи этим группам. Япония и США, по мнению Фоша, были единственными державами, способными осуществить такого рода оккупацию.

Французский меморандум, еще подробно не разбиравшийся в нашей литературе, являлся, очевидно, первым детально разработанным планом организации империалистической антисоветской интервенции, которая мыслилась как общее мероприятие всех союзников. Интервенты намеревались опереться в первую очередь на контрреволюционные силы казачества, буржуазных националистов Кавказа и Украины, а также на чехословацкий корпус. Всем этим силам предполагалось оказать большую материальную помощь оружием и боеприпасами. Лейтмотивом меморандума Фоша был курс на свержение Советского правительства посредством военного вторжения. Хотя делегаты конференции, видимо, официально не приняли план Фоша, этот документ поступил на рассмотрение соответствующих правительств для изучения «существующих возможностей достижения поставленных целей»¹⁴. Не случайно подготовка интервенции проходила впоследствии по направлениям, намеченным в упомянутом меморандуме.

Дальнейшие интервенционистские планы и действия западных держав, объектом которых стали южные районы Советской России, были связаны с подписанием в Париже по инициативе правительства Велико-

¹² Этот документ был первоначально опубликован в одном японском издании, а затем в книге: J. Morley. The Japanese Thrust into Siberia. N. Y. 1957, pp. 325—328.

¹³ J. Morley. Op. cit., p. 327.

¹⁴ G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 301.

британии англо-французского секретного соглашения 10 декабря 1917 года. В нем предусматривалось, что «действия, руководимые Францией, развиваются к северу от Черного моря (против врага)», а «действия, руководимые Англией, развиваются к юго-востоку от Черного моря (против турок)». Далее говорилось о предоставлении генералу Алексееву финансовой помощи, причем расходы должны были «суммироваться и регулироваться центральным межсоюзным органом», то есть имелось в виду и участие США. Для каждого правительства устанавливались следующие «зоны влияния»: «Английская зона — казачьи области, территории Кавказа, Армения, Грузия, Курдистан. Французская зона — Бессарабия, Украина, Крым»¹⁵.

Дополнительный свет на это соглашение проливает почти неизвестная в литературе коллективная записка представителей Антанты в Верховном военном совете, составленная в тот же день, 10 декабря 1917 г., по поручению английского правительства, запросившего, «в состоянии ли южная Россия и Румыния эффективно противостоять большевистским силам. В случае потери союзниками контроля над Черным морем им рекомендовалось «сохранить в своем владении Батум и Трапезунд». Отметив невозможность для Антанты гарантировать, что южная Россия и Румыния смогут успешно сопротивляться «большевистским силам, поддержанным Германией», авторы записки считали нужным «помогать всеми находящимися в нашем распоряжении средствами всем национальным группировкам, решившим продолжать борьбу». Вместе с тем в документе высказывалась мысль о необходимости «установить более непосредственную связь между союзниками и нашими друзьями в России либо через Владивосток и транссибирскую железную дорогу, либо посредством операций в Турции, которые могли бы открыть прямой путь к Тифлису»¹⁶. Англо-французское соглашение и поясняющая его записка были своим острием направлены против Советской власти, а не против Германии. Обе империалистические державы наметили далеко идущий экспансионистский план в отношении России. Хотя США не были прямыми участниками этой империалистической сделки, они стояли за ее кулисами и фактически одобряли ее¹⁷.

Но западные буржуазные историки пытаются превратно истолковать это соглашение, ставшее одной из крупнейших вех антисоветской интервенции. «Основной целью соглашения, — писал Кеннан, — было стимулирование военного сопротивления Германии»¹⁸. Для Уллмена в данном случае речь идет о стратегическом документе, предназначенном «наметить сферы для военных операций». По его словам, действия, руководимые Францией, должны были развиваться против немцев и австрийцев, хотя в соглашении применялся в данном случае термин «враги», под которым, очевидно, подразумевались большевики¹⁹. Брэдли, затуманивая существо вопроса, считает соглашение «чисто теоретической попыткой далеких союзников расчлнить проблему политики, поставив перед каждым из них задачи в предвидении будущего развития событий»²⁰.

Подписание соглашения только о южной России свидетельствует, что Англия и Франция как бы молчаливо решили предоставить США сферу влияния в Сибири и на Дальнем Востоке. Нельзя не присоеди-

¹⁵ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». First Series. Vol. III. L. 1949, pp. 369—370.

¹⁶ «Les armées françaises dans la grande guerre». F. VI, vol. I, annexes. Vol. I. P. 1932, pp. 364—365.

¹⁷ F. R. 1918. Russia. Vol. II, p. 597.

¹⁸ G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston—Toronto. 1960, p. 46.

¹⁹ R. Ullman. Op. cit., pp. 55—56.

²⁰ J. Bradley. The Allies and Russia in the Light of French Archives. «Soviet Studies», October, 1964, p. 178.

ниться в этом отношении к мнению акад. И. И. Минца, который считает, что правительство США надеялось воспользоваться результатами соглашения в дальнейшем, оттеснив обоих соперников,— оно «нацеливалось на Сибирь»²¹. Действительно, в ходе последующих переговоров между союзниками американскому, а также японскому империализму отводилась главная роль в деле проведения интервенции именно в этих областях.

В соответствии с англо-французским соглашением западные державы предприняли широкое вмешательство во внутренние дела России, которое велось прежде всего по линии поддержки сепаратистских выступлений среди буржуазии окраинных районов страны, прямого финансирования контрреволюционных сил и всяческого стимулирования любого противодействия Советской власти. При этом, согласно распределению сфер влияния, на Украине основную роль играла Франция, а в Закавказье — Англия. США принимали активное участие в предоставлении денежной помощи белогвардейцам, особенно Каледину. Конечно, государства Антанты предпочли бы открытую вооруженную интервенцию, но этому в значительной мере мешала война²².

Несмотря на все усилия западных держав, им, однако, не удалось в этот период полностью добиться поставленных целей прежде всего благодаря решительному отпору со стороны народов Советской России, а также действиям Советского государства на международной арене. Великие идеи Октября, активная борьба В. И. Ленина и большевиков за прекращение войны и заключение всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций получили поддержку трудящихся на Западе, с чем не могли не считаться капиталистические правители. Кроме того, Советское государство, руководствуясь ленинским принципом мирного сосуществования, проводило линию на установление нормальных дипломатических отношений со странами Антанты, что позволяло первое время сохранить с ними некоторые контакты и предотвратить полный разрыв. Именно эти обстоятельства заставляли Англию, США и Францию тщательно маскировать свои антисоветские замыслы, изображая дело так, будто их политика не имеет захватнических целей и сводится всего лишь к организации сопротивления Германии на русской территории.

Следующий этап захватнической политики западных держав в «русском вопросе» знаменовался их переходом от скрытой интервенции к прямой оккупации советских территорий на Севере и на Дальнем Востоке. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции северная часть нашей страны, входившая в Архангельскую губернию, представляла собой редконаселенный край с малочисленным рабочим классом. В политической жизни и в местных Советах значительным влиянием пользовались меньшевики и эсеры. Особое положение в губернии занимал район Мурманска — незамерзающего порта, через который поступала военная и экономическая помощь Антанты русской армии. В порту стояла английская военная эскадра под командованием контр-адмирала Кемпа, которой была поручена охрана побережья и союзных торговых судов от нападения германских подводных лодок. Английский, французский и американский консульские представители, офицерский состав иностранных кораблей поддерживали тесные связи с русскими белогвардейцами. Несмотря на враждебное отношение к Советской власти, начальник Мурманского укрепленного района контр-

²¹ И. И. Минц. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти. «Ученые записки» МГПИ имени В. П. Потемкина. Т. XXV. Вып. 3. М. 1953, стр. 48.

²² См. F. R. The Lansing Papers. 1914—1920. Vol. II. Washington. 1940, pp. 345—346; A. Choulguin e. L'Ukraine, la Russie et les ruissances de l'Entente. Berne. 1918, p. 53; A. Niessel. Le triomphe des Bolchéviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenires 1917—1918. P. 1940, p. 95.

адмирал Кетлинский и здешние руководители соглашательских партий решили ее признать, что объяснялось чисто тактическими соображениями. Белогвардейцы хотели собраться с силами и лучше подготовиться для борьбы с Советским правительством.

Архангельский порт также представлял большой интерес для Антанты как стратегически важный пункт и место сосредоточения крупных складов военного обмундирования, оружия, снаряжения и различного сырья (общим весом 162 495 т), привезенного союзниками в качестве военной помощи России²³. По инициативе эсеров в начале января 1918 г. в Архангельске состоялась конференция представителей «революционных комитетов» северо-восточных губерний России. Решив, что это самозванное собрание может представить зародыш «сепаратной просоюзнической федерации», Форейн оффис поручил своему консулу в Архангельске Янгу «поддерживать с конференцией тесную связь, давая понять, что английское правительство сочувствует ее целям и, возможно, в случае обращения к нему будет готово оказать финансовую помощь»²⁴. 9 января 1918 г. американский консул в Архангельске Коул писал послу Френсису, что на конференции преобладали полуавтономистские тенденции, поскольку были опасения, что в случае провозглашения полной независимости наступит голод²⁵. Приведенный факт свидетельствовал о намерении Великобритании отторгнуть от Советского государства не только южные, но и северные области путем поддержки сепаратистских устремлений белогвардейщины. В феврале 1918 г. в Архангельске был свергнут контрреволюционный «революционный комитет» и установлена Советская власть. Это заставило империалистов Антанты обратить свои взоры на Мурманск. Не случайно, что в ответ на запрос своего посла в России Лондон сообщил о большой желательности продолжения «оккупации» Кольского залива и нежелании вывести из Мурманска военную эскадру²⁶. 21 февраля 1918 г. Френсис писал Лансингу: «Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции»²⁷.

Большую тревогу английского правительства вызывал рост революционных настроений среди трудящихся Мурманска. В то же время белогвардейцы усиленно распространяли слухи о предстоящем захвате города белофиннами. Ссылаясь на просоветские настроения гарнизона и опасность со стороны белофиннов, Кемп попросил в конце февраля 1918 г. Лондон прислать ему не менее 6 тыс. солдат, чтобы не допустить перехода Мурманска в руки «противника». Вследствие отсутствия свободного контингента войск британское правительство ограничилось тем, что направило в Мурманск один крейсер и выразило пожелание, чтобы США и Франция поступили таким же образом²⁸. Одновременно к берегам Кольского полуострова отплыли два парохода, на которых ехала группа специалистов-подрывников. Перед ними ставилась задача в случае необходимости уничтожить железнодорожные мосты и склады²⁹. Предпринимая подобные действия, правящие круги Великобритании полагали, что прибытие дополнительных войск даст адмиралу Кемпу достаточную силу, чтобы «обеспечить к себе уважение местного Совета и справиться с любым налетом на город»³⁰. Соглашатели, засевшие

²³ G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 17.

²⁴ R. Ullman. Op. cit., p. 112.

²⁵ F. R. 1918. Russia. Vol. II, p. 468.

²⁶ R. Ullman. Op. cit., p. 114.

²⁷ «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов. Т. I. М. 1960, стр. 8.

²⁸ R. Ullman. Op. cit., p. 115.

²⁹ F. R. 1918. Russia. Vol. II, p. 469.

³⁰ «History of the Great War Based on Official Documents. Naval Operations». Vol. V. L. 1931, p. 312.

в местном Совете, поспешили заключить 2 марта 1918 г. кабальное «словесное соглашение» с англо-французами, которое открывало Антанте путь для оккупации Севера. Предлог, использованный для оформления сговора между контрреволюцией и представителями союзников, был полностью надуман. Фактически не было никакой сколько-нибудь серьезной угрозы Мурманску со стороны белофиннов и стоявших за ними немцев. Даже американский буржуазный историк Кеннан писал: «Не существует доказательств того, что нападение на Мурманск германских сил когда-либо входило в планы немцев до высадки там первых регулярных английских частей 23 июня 1918 г. ...В марте и апреле не было серьезной опасности нападения финнов под германским командованием»³¹.

Уже 6 марта 1918 г. с крейсера «Глори» в Мурманске высадился небольшой отряд англичан. Через несколько дней к ним присоединились части с только что прибывшего из Лондона крейсера «Кокрейн». Всего численность интервентов достигала первоначально 200 человек. Следует отметить, что Кемп был уполномочен своим правительством «использовать союзные силы, находящиеся под его командованием, для предупреждения местных беспорядков или анархии, если бы они затрагивали или представляли угрозу для интересов союзников»³². Иными словами, оккупанты стремились прежде всего к подавлению революционного движения в крае. 19 марта 1918 г. в Мурманске появился французский крейсер «Адмирал Об», с которого высадился отряд морской пехоты. Государственный секретарь доложил президенту Вильсону о просьбе англичан прислать в Мурманск американское военное судно. Вильсон отнесся к этой просьбе положительно. Через несколько дней в Мурманск был направлен американский крейсер «Олимпия», командир которого получил указание подчиняться контр-адмиралу Кемпу как старшему по званию и сотрудничать с ним «в деле защиты и содействия интересам союзников, овладении складами Архангельска и усилении местного сопротивления немцам». Из этого видно, что с самого начала интервенция на Севере приобрела характер коллективного мероприятия США и стран Антанты при ведущей роли Англии, фактически получившей в этом районе свою сферу влияния.

Таким образом западные державы посредством сговора с контрреволюционными силами, прежде всего меньшевиками и эсерами, создали в Мурманском крае антисоветский плацдарм. Высадка войск Антанты в Мурманске свидетельствовала о том, что при первом же удобном случае союзники попытаются захватить богатый природными ресурсами и важный в стратегическом отношении Север, чтобы оттуда развернуть наступление на центры России.

Одновременно между правительствами США, Англии, Франции и Японии имели место интенсивные переговоры по поводу целей и методов проведения интервенции на Дальнем Востоке, причем обнаружилось определенное разногласие относительно наиболее приемлемой формы открытых захватнических действий, сроков их начала, путей финансирования. Острый характер приобрели японо-американские противоречия в связи с борьбой двух держав «из-за господства над Великим океаном и его побережьем»³³, что частично тормозило развязывание империалистической агрессии и в какой-то мере помогало Советской республике сохранять неустойчивый мир на Востоке. В ходе переговоров сразу же проявилось стремление Англии и Франции поскорее развязать открытую интервенцию в основном силами Японии. США, одобряя в целом агрессивные планы своих партнеров, считали, однако, целесооб-

³¹ G. Kennan. The Decision to Intervene, pp. 42—43.

³² «History of the Great War. Naval Operations». Vol. V, p 314.

³³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 168.

разным как можно лучше подготовиться к интервенции. Американцы также опасались предоставлять свободу действий Японии и выступали за военную экспедицию «на основе международного сотрудничества», чтобы иметь какую-то возможность контролировать действия Японии³⁴. Империалисты США проявляли большой интерес к Сибири, о чем, в частности, свидетельствовало предписание Лансинга американскому посланнику в Пекине Рейншу от 13 февраля 1918 г. собрать сведения о городах, расположенных к западу от Иркутска, а также узнать, существует ли там «стихийная или организованная оппозиция большевикам»³⁵. Кроме того, генеральный консул США в Москве Саммерс, предвидя «возможность превращения Сибири в главный объект интересов союзников», предпринял с одобрения госдепартамента шаги по усилению там американского консульского представительства. В такие крупные города, как Иркутск, Чита, Красноярск, Томск, Омск, Новониколаевск, были назначены консулами граждане США, официально занимавшиеся в России частнопредпринимательской деятельностью³⁶. В дальнейшем выяснилось, что поддержку белогвардейского подполья они сочетали с выполнением шпионских заданий.

При подготовке интервенции на Дальнем Востоке западные державы и Япония вступили в антисоветский сговор с белогвардейцами, оказывая им значительную помощь деньгами и вооружением. Они поддерживали так называемое правительство автономной Сибири во главе с Дербером, «главу местной администрации» на КВЖД генерала Хорвата, белогвардейского атамана Семенова³⁷. Активную подрывную работу во Владивостоке проводили консульские представители Англии, США, Франции, Японии и сотрудники более 50 отделений иностранных фирм, в основном японских и американских. С их помощью в городе подняли голову контрреволюционные организации. Одной из них был так называемый Дальневосточный комитет, который финансировался державами Антанты. Другая подпольная группа представляла «правительство» Дербера, находившееся тогда в Харбине. Она имела связь с командующим Тихоокеанским флотом США адмиралом Найтом³⁸. В начале апреля 1918 г. было осуществлено провокационное убийство трех японцев, чтобы создать повод для союзного десанта. 5 апреля во Владивостоке высадилось шесть рот японских моряков численностью до 500 человек якобы для «охраны жизни и собственности своих сограждан», за ними последовало 50 английских солдат. Правящие круги США и Франции одобрили подобные действия союзников. Так был захвачен важный плацдарм для дальнейшего развертывания интервенции в глубь Сибири.

Таким образом, страны Антанты фактически начали вооруженную интервенцию против Советской России в марте — апреле 1918 года. Однако на первых порах она носила ограниченный характер. Отряды иностранных захватчиков были малочисленны. По существу, речь шла о подготовительных мероприятиях к широкому вооруженному вторжению. В. И. Ленин и Коммунистическая партия не сомневались, что рано или поздно Антанта и США развернут более широкое наступление. Задача состояла в том, чтобы по возможности отсрочить этот момент, пролив мирную передышку, наступившую после заключения Брестского договора. Решительно протестуя против начавшейся оккупации советской территории, правительство РСФСР в то же время проводило гиб-

³⁴ F. R. 1918. Russia. Vol. II, p. 42.

³⁵ Ibid., p. 49.

³⁶ G. Kennan. The Decision to Intervene, pp. 279—280.

³⁷ См. П. Парфенов (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918—1920 гг. Харбин. 1921, стр. 23; J. Mogley. Op. cit., pp. 42—46. R. Ullman. Op. cit., pp. 100, 138.

³⁸ См. «Красный архив», т. 4(29), 1928, стр. 97.

кую политику, направленную на постепенную нормализацию отношений с западными державами³⁹. В связи с появлением японских и английских отрядов во Владивостоке НКИД послал 6 апреля 1918 г. идентичные ноты английскому дипломатическому представителю в Москве Локкарту, французскому генеральному консулу Гренару и руководителю американского Красного Креста в России полковнику Робинсу. В этих документах вторжение иностранных интервентов расценивалось как глубоко враждебная Советскому государству мера, а также содержалось требование немедленно отозвать вторгшиеся войска⁴⁰. В ответных нотах Англии и США делалась попытка извратить истинное положение вещей и объяснить высадку десантов как шаг по «обеспечению защиты и собственности иностранных граждан» во Владивостоке. Что касается вывода войск, то об этом даже не упоминалось⁴¹. Французский посол Нуланс, находившийся со всем дипломатическим корпусом в Вологде, после получения советской ноты от Гренара избрал весьма своеобразный метод ответа на ноту НКИД. Он выступил с антисоветским интервью, в котором угрожал широкой интервенцией союзников на Дальнем Востоке якобы для борьбы с Германией⁴². Тогда НКИД обратился к правительству Франции с нотой, в которой требовал отозвать Нуланса⁴³. Но ответа не последовало. При встрече с главным редактором газеты «Journal de Russie» Л. Нодо 30 апреля 1918 г. П. В. Чичерин отметил, что Советское правительство не допустит вмешательства Нуланса во внутренние дела Советской России. Далее он заявил: «Мы не можем не питать самые лучшие чувства к Франции, которой мы многим обязаны, и мы весьма хотели бы поддерживать с ней наилучшие отношения»⁴⁴. В нотах от 25 апреля 1918 г. НКИД протестовал против поддержки консулами Антанты во Владивостоке местной контрреволюции и настаивал на их отзывании. Кроме того, правительствам Англии, США и Франции предлагалось «ясно и определенно заявить о своем отношении к шайкам контрреволюционных заговорщиков, так называемому Автономному Сибирскому правительству, и к Российскому Советскому Правительству»⁴⁵. Ответа на это обращение также не поступило.

Вместе с тем Советское государство постоянно демонстрировало готовность укреплять и развивать нормальные отношения с капиталистическими странами, что нашло отражение в ряде нот НКИД английским представителям, в беседах наркоминдела Г. В. Чичерина с Локкартом и Робинсом, в выступлениях центральной советской печати. Важное значение с советской стороны придавалось установлению широких экономических отношений с западными державами, в связи с чем вносились конкретные предложения⁴⁶. При этом советские представители подчеркивали, что РСФСР заинтересована в торговле как с австро-германским блоком, так и с Антантой. Англии, США и Франции предлагалось официально признать Советское правительство и вступить с ним в деловые контакты. Инициатором этих предложений был В. И. Ленин, который непосредственно руководил разработкой и проведением советской внешней политики. Г. В. Чичерин писал: «При моих постоянных

³⁹ Указанный вопрос слабо исследован как в общих, так и в специальных трудах наших историков.

⁴⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1959, стр. 230—231.

⁴¹ Там же, стр. 231—232.

⁴² Там же, стр. 271—272.

⁴³ Там же, стр. 272.

⁴⁴ L. Naudéau. En prison sous la terreur russe. P. 1920, p. 177.

⁴⁵ «Документы внешней политики СССР», Т. I, стр. 269.

⁴⁶ См. М. Е. Сонкин. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М. 1964, стр. 29—30, 69; В. А. Шишкин. Октябрьская революция и экономические связи Советского государства с капиталистическим миром (1917—1918 гг.) «Вопросы истории», 1966, № 11.

попытках соглашения с Антантой, которые даже в случае неудачи могли, по крайней мере, отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявлял изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника»⁴⁷.

Несмотря на все рогатки и препоны буржуазной пропаганды, правда о Великом Октябре и борьбе пролетарского государства за мир доходила до народов Англии, США и Франции, вызывая их глубокое сочувствие. Против интервенции выступали не только трудящиеся этих стран, но и некоторые представители буржуазной интеллигенции, а также деловые круги, заинтересованные в развитии торговых отношений с Советской Россией. Во время внешнеполитических дебатов в английской палате общин в марте 1918 г. группа депутатов от различных партий решительно высказалась против вмешательства во внутренние дела Советской России. Депутат Макеллам охарактеризовал Октябрьскую революцию как «одну из величайших вех в истории человечества», Ли-Смит выразил уверенность, что Россия в результате революции возродится в качестве демократического и более сильного, чем раньше, государства⁴⁸. В период майских дебатов в английской палате общин депутаты Кинг, Сноуден, Веджвуд, Андерсон потребовали признания Советской России и установления с ней экономических отношений. Они критиковали позицию правительства Великобритании в «русском вопросе». Отвечая им, заместитель министра иностранных дел Сесиль Лицемерно утверждал, будто англичане «всегда стремятся к поддержанию самых тесных уз дружбы с русским народом... и не ссорятся с большевиками»⁴⁹. Против развязывания интервенции выступали и некоторые английские газеты левобуржуазного направления: «Manchester Guardian», «Daily News», «Jorkschr Post».

В США также действовали буржуазные группировки, заинтересованные в развитии экономических связей с Советской Россией. Наиболее известными их представителями были полковник Робинс, генерал Джэдсон, сенаторы Бюра, Джонсон, Лафоллет, Лэндон, Франс и другие⁵⁰. Что касается Франции, то в умеренных буржуазных кругах идея интервенции не получила поддержки, но активно против нее никто не выступал.

Необходимо, однако, отметить, что в странах Антанты и США только рабочий класс являлся подлинным другом и бескомпромиссным защитником Советской России, решительно борющимся против развязывания интервенции.

Весной 1918 г. страны Антанты и США вновь попытались вовлечь Советское правительство в войну с Германией и добиться ввода войск Антанты на территорию Советской России якобы для открытия антигерманского фронта на востоке. На такой слегка замаскированный антисоветский план западные державы фактически натолкнул тогдашний народный комиссар по военным и морским делам Троцкий. В беседах с Локкартом, Садулем и Робинсом он пытался создать впечатление, что Советское правительство могло бы разрешить иностранным войскам занять часть своей территории в случае участия в этой операции всех стран Антанты, а не одной Японии и при условии невмешательства во внутренние дела Советской России. При этом Троцкий добивался ясного заявления от Японии о характере ее территориальных и иных требова-

⁴⁷ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1961, стр. 279.

⁴⁸ «The Parliamentary Debates. House of Commons». Fifth Series (Official Report). Vol. 104. L. 1918, pp. 513—519.

⁴⁹ Ibid. Vol. 106, pp. 612—625, 665, 910.

⁵⁰ См. В. А. Вальков. СССР и США (их политические и экономические отношения). М. 1965, стр. 69—70.

ний⁵¹. Поскольку подобные чисто формальные условия не противоречили захватническим устремлениям западных держав, они охотно на них согласились. Министр иностранных дел Англии Бальфур дал 7 апреля 1918 г. указание Локкарту передать Троцкому, что союзники сделали «все возможное для оказания ему помощи и поддержки»⁵². В телеграмме английскому послу в Токио Грину от 9 апреля 1918 г. Бальфур писал: «Существует реальная возможность, что Троцкий может согласиться или даже пригласит союзников предпринять интервенцию, если нынешний инцидент⁵³ будет рассматриваться как чисто локальный»⁵⁴. По договоренности с японцами англичане пошли даже на тактический ход и временно отозвали десанты, высадившиеся во Владивостоке. В начале мая местный Совет вновь стал контролировать город. Тогда Троцкий, отнюдь не выражая мнения Советского правительства, лживо заявил Локкарту «о полной готовности Советского правительства достичь соглашения с союзниками на общих основах, уже указанных мною»⁵⁵. 22 апреля английский военный кабинет принял решение послать своего представителя Смэтса в Колу для встречи с Троцким⁵⁶.

На самом деле Советское правительство всегда относилось отрицательно к подобным планам, правильно расценивая их как попытки, ведущие к ликвидации Советской власти руками германских и союзных империалистов, о чем представители Антанты неоднократно ставились в известность⁵⁷. Новые домогательства Антанты были решительно отвергнуты в тезисах В. И. Ленина, принятых Московской общегородской партийной конференцией 13 мая 1918 года. В этом важном документе говорилось: «Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах Советской власти»⁵⁸.

Твердая позиция ЦК РКП(б) окончательно похоронила надежды империалистов на «интервенцию по приглашению» и вынудила Троцкого прекратить свои подозрительные махинации. 23 мая 1918 г. Локкарт писал Бальфурю, что в сложившихся условиях союзникам осталось лишь «подготовить быстро и секретно интервенцию в возможно более широких масштабах». Через три дня Локкарт направил в Лондон другую телеграмму, в которой говорилось, что без массивной союзной интервенции контрреволюция в России не будет иметь шансов на успех и позиции союзников в России окажутся окончательно подорванными⁵⁹.

Летом 1918 г. начался новый этап интервенции, который характеризовался развязыванием широкой вооруженной антисоветской агрессии западных держав. В конце мая 1918 г. в Вологде состоялось совещание дипломатических и военных представителей стран Антанты, которое высказалось за организацию немедленного вторжения своих войск в Россию, начиная с действий в районе Севера — Мурманска и Архангель-

⁵¹ J. S a d o u l. Notes sur la Révolution Bolchévique. P. 1920, p. 127.

⁵² R. U l l m a n. Op. cit., p. 149.

⁵³ Речь идет об англо-японском десанте во Владивостоке.

⁵⁴ R. U l l m a n. Op. cit., p. 149.

⁵⁵ G. K e n n a n. The Decision to Intervene, p. 126.

⁵⁶ R. U l l m a n. Op. cit., p. 161.

⁵⁷ См. «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 251, 261; L. N a n d e a u. Op. cit., pp. 179—180.

⁵⁸ В. И. Л е н и н. ПСС. Т. 36, стр. 323.

⁵⁹ R. U l l m a n. Op. cit., pp. 187—188.

ска⁶⁰. Эти антисоветские соображения полностью разделялись и одобрялись высшими сферами Лондона, Вашингтона и Парижа. Не случайно почти в то же время государственный секретарь США Лансинг обсуждал с японским послом вопрос о «большевизме и опасности его для всех правительств», затем в его секретариате была составлена докладная записка, где проводилась мысль о желательности создания в азиатской части России при иностранной военной поддержке «стабильного», то есть контрреволюционного, правительства⁶¹.

Параллельно с военно-дипломатической подготовкой широкого военного нападения империалистов намечался тайный сговор между белогвардейской, странами Антанты и США о совместном антисоветском выступлении. Фактически все русские буржуазные, мелкобуржуазные партии и организации в той или иной форме высказались за форсирование интервенции. Западным державам оставалось лишь найти какой-либо предлог для своих преступных действий и согласовать технические детали агрессии.

В конце марта 1918 г. стратеги Антанты в Версале разработали план, предусматривавший разделение чехословацкого корпуса, двигавшегося во Владивосток по транссибирской магистрали для последующей отправки во Францию, на две группы. Предполагалось, что одна из групп продолжит путь в прежнем направлении, а другая — двинется на Мурманск и Архангельск, чтобы «впоследствии присоединиться к антибольшевистским силам на Севере» для совместного нанесения удара в тыл по направлению к Уралу и соединения с японскими интервентами⁶². Данное решение было подтверждено Верховным военным советом Антанты в начале мая 1918 года. По мнению американского буржуазного историка Кеннана, «имелось в виду использовать чехов для военной интервенции в Сибирь»⁶³. Английский историк Д. Брэдли признает: «Возможно, союзники желали мятежа корпуса против большевиков и задержания его в России»⁶⁴. Как отмечал В. И. Ленин, «чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов»⁶⁵. Командный состав чехословаков вступил в тайный антисоветский сговор с эсерами, которые посоветовали своим партнерам «сконцентрироваться по возможности в районе Пенза — Челябинск, где они могут рассчитывать на поддержку зреющего противобольшевистского движения»⁶⁶. 16 мая 1918 г. ЦК эсеров принял решение о командировании в Поволжье, Приуральск, Ижевск, Воткинск, Великий Устюг и Котлас некоторых своих членов в качестве специальных уполномоченных. Видному эсеру Н. Д. Авксентьеву было поручено поехать в качестве делегата этой партии «в союзные страны или в Сибирь, если первое окажется выполнить невозможно». В частности, ему поручалось «сношение от имени партии с представителями союзных держав с целями осведомительными»⁶⁷.

В одном из совещаний с чехословаками в Челябинске участвовали представители английской, французской военных миссий и штаба белогвардейских боевых дружин Сибири, которые выработали план мятежа⁶⁸. Член военной миссии Франции капитан Борд, находившийся при

⁶⁰ F. R. 1918. Russia. Vol. II, p. 179.

⁶¹ D. Smith. Op. cit., p. 147—148.

⁶² G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin, pp. 70—71.

⁶³ Ibid., p. 71.

⁶⁴ G. Bradley. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. «Soviet Studies». October, 1963, p. 143.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 1—2.

⁶⁶ В. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк. 1953, стр. 373.

⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 7. л. 1.

⁶⁸ П. Парфенов. Указ. соч., стр. 34.

штабе чехословацкого корпуса, требовал от эсеров и чехов свержения Советской власти в Самаре⁶⁹.

После начала чехословацкого мятежа в конце мая 1918 г. усилия правящих кругов Антанты были направлены на провоцирование целой серии контрреволюционных выступлений в стране для поддержки готовившихся к вторжению интервенционистских войск. «Вкратце план был таков,— писал видный эсер Лебедев.— Восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архангельске и их движение к Вологде на соединение с волжским фронтом. Другой десант во Владивостоке и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать оборонительный фронт до их прихода»⁷⁰. Один из кадетских лидеров, Астров, указывал в составленной им конфиденциальной записке, что белогвардейские организации вели переговоры с представителями западных держав Локкартом, Пулем, Лавернем и Гренаром «о поддержке Добровольческой армии, об активном содействии делу создания восточного фронта по Волге от Астрахани до Кавказа, с помощью чехословаков, с интервенцией союзников».

В июне 1918 г. Нуланс довел полуофициальным путем до сведения некоторых белогвардейских организаций Москвы, в том числе «Союза возрождения России», ноту, которая категорически подтверждала «решение союзных правительств предоставить вооруженные силы для борьбы с немецко-большевистской армией, причем эти силы должны были быть в достаточном количестве, чтобы с первых же шагов выдержать борьбу и облегчить тем возможность немногочисленным русским антибольшевистским отрядам развернуться в значительную регулярную армию». Кроме того, в форме «частного мнения и совета» нота рекомендовала ряд мер для внутреннего переустройства России⁷¹. Примерно в таком же духе высказывались о названном документе белоэмигранты Милюков и Головин⁷². В своих показаниях на суде Б. Савинков сообщал, что Нуланс, известив его через Лаверня и Гренара о намечавшемся в Архангельске крупном англо-французском десанте, просил захватить силами его организации Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Французы заверили Савинкова, что десант высадится в начале июля 1918 года⁷³. Достоверность этого заявления подтверждается и другими источниками. Так, Деникин писал, что, когда контрреволюционный «Национальный центр» усомнился в целесообразности начинать явно не подготовленные мятежи, Савинков ответил: «Отсрочка поведет к разложению и провалу... Операция, правда, не совсем подготовлена, но французы торопят, а действия раз начавшиеся могут развиваться стихийно и восполнить пробель»⁷⁴. Своему подручному Перхурову Савинков говорил: «Союзники определенно предложили продержаться только 4 дня, после чего они вынут свой десант на общую поддержку»⁷⁵. Но обратимся к западным источникам. В своих мемуарах Нуланс признал, что он поддерживал связи с «Союзом возрождения» и его членами. «Я дал указания нашим агентам в Москве,— писал он,— заверить их в моей симпатии». И далее: «Во время моего пребывания в Москве я был введен в курс многих интриг, которые плелись против Советов»⁷⁶. Небезызвест-

⁶⁹ G. Bradley. Op. cit., p. 145.

⁷⁰ «Воля России». Т. VIII—IX. Прага. 1928, стр. 64.

⁷¹ А. Аргунов. Между двумя большевизмами. Париж. 1919, стр. 8.

⁷² П. Милюков. Россия на переломе. Т. II. Париж. 1927, стр. 20; Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. III, кн. 7. Таллин. 1937, стр. 13.

⁷³ «Дело Бориса Савинкова». М. 1924, стр. 37—39.

⁷⁴ А. Деникин. Очерки русской смуты. Т. III. Берлин. 1924, стр. 80.

⁷⁵ «Пролетарская революция», № 10 (22), 1923, стр. 211.

⁷⁶ J. Noulense. Mon ambassade en Russie Soviétique 1917—1919. Vol. II. P 1933, pp. 107, 121.

ный Локкарт знал, что в начале июля Нуланс предупредил многих белогвардейских главарей о широкой союзнической интервенции еще до конца этого месяца и обещал им помощь. Французы и англичане представили «Национальному центру» и «Союзу возрождения» свыше 1 млн. руб. каждому. Савинков получил 2,5 млн., а эсеры — несколько млн. рублей⁷⁷. Очевидно, сообщение Нуланса было сделано по поручению и других западных держав, которые таким образом как бы дали внутренней контрреволюции команду начать открытую вооруженную борьбу за свержение Советской власти, обещав одновременно свою военную помощь. Показательно, что еще 12 июня 1918 г. Лансинг телеграфировал Френсису: «В случае, если нынешнее Советское правительство отречется от власти или будет свергнуто, вы можете заявить русскому народу... что американская администрация признает правительство России, которое оно вправе считать в качестве представителя русского народа»⁷⁸.

3 июня 1918 г. Верховный военный совет Антанты принял решение о продолжении оккупации Мурманска и захвате Архангельска путем высадки английских, французских и американских войск⁷⁹, а 2 июля последовало решение совета об интервенции в Сибирь. В соответствующем документе, в частности, говорилось: «Если союзники действительно хотят оказать эффективную помощь либеральной России, они должны оккупировать не только Мурманск и Архангельск в качестве северного плацдарма, с которого можно осуществлять быстрое наступление к центру России, они должны также без всякой задержки установить свой контроль над Сибирью, вплоть до Урала»⁸⁰. Кроме того, английское правительство решило направить свои войска в Баку и Закаспийскую область якобы с целью воспрепятствовать переходу этих районов в руки немцев и турок⁸¹, а на самом деле для захвата стратегически выгодных плацдармов на юге. Летом 1918 г. в пределы Советской республики вторглись с севера, востока и юга значительные контингенты империалистических войск, которые были поддержаны мятежами внутренних реакционных сил. Выступая на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г., В. И. Ленин подчеркнул, что из «соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое»⁸².

Приведенные выше документы и материалы свидетельствуют прежде всего о том, что широкая вооруженная интервенция империалистов Антанты против нашей страны готовилась с первых дней после победы Октябрьского вооруженного восстания. Тем самым подтверждается положение В. И. Ленина о том, что «мы имеем здесь дело с систематическим неуклонным, очевидно, даже обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую республику»⁸³. Главная цель, к которой стремились Антанта и США при проведении своей политики, состояла в свержении Советского правительства, расчленении и закабалении Советской России. Западные империалистические державы и Япония, активно участвовавшие в развязывании интервенции и гражданской войны, должны нести за это полную ответственность. Фактически они проводили общий антисоветский курс

⁷⁷ R. Ullman. Op. cit., p. 231; С. Мельгунов. Воспоминания и дневники. Вып. II. Париж. 1964, стр. 19.

⁷⁸ F. R. 1918. Russia. Vol. I, p. 566.

⁷⁹ Ibid., Vol. II, p. 214.

⁸⁰ «Из истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 26.

⁸¹ R. Ullman. Op. cit., pp. 307—308, 315.

⁸² В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 13.

⁸³ Там же, стр. 3.

в «русском вопросе», хотя их тактика и имела некоторые особенности, объясняющиеся различием империалистических интересов, сферами влияния и т. д. Попытки буржуазных историков оправдать агрессивный курс Антанты ссылками на то, что он определялся прежде всего интересами борьбы с Германией, полностью несостоятельны. Процесс интервенции прошел как бы три последовательных фазы. Вначале она носила замаскированный характер и проявлялась преимущественно в финансовой поддержке США и Антантой белогвардейщины. В марте — апреле 1918 г. иностранные империалисты перешли к открытой интервенции, захватив плацдармы в Мурманске и Владивостоке. Летом того же года они начали широкое военное вторжение в нашу страну, действуя в тесном контакте с внутренней контрреволюцией. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России предали тем самым национальные интересы страны, превратились в платных пособников США, Англии, Франции и Японии.

Серьезным препятствием на пути чужеземных захватчиков была мощь революционного народа России, ленинская миролюбивая внешняя политика социалистического государства, которая содействовала некоторой отсрочке интервенции и помогла сохранить молодой Советской республике мирную передышку в течение почти четырех месяцев.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ